

Сергей Карп

Дидро, А.В. Нарышкин и цивилизация России

Abstract

The article endeavours to describe the Denis Diderot's relationship with Aleksei Vasil'evich Naryshkin (1742-1800) in the context of the concrete circumstances of his life and family and to compare the views of the two men on Russian civilization. By comparing the views of Diderot and Naryshkin expressed in writings which differ greatly with regard to their time, form and significance, the author does not strive to trace any continuity between their ideas. Rather it is more important to establish the common subjects of their discourses in order to understand what they have in common and how they differ. Among the subjects which they both address are their consideration of the role of Catherine's Grand Commission, the image of Moscow (Diderot compares it to St. Petersburg), their mutual interest in history, the idea of western "decay" and Russian "health," and the recognition that every society must develop on its own terms.

Резюме

В докладе предпринимается попытка вписать отношения Дени Дидро с Алексеем Васильевичем Нарышкиным (1742-1800) в реальный контекст конкретных обстоятельств жизни этого персонажа и его семьи, а также сопоставить их взгляды на цивилизацию России. Сравнивая взгляды Дидро и Нарышкина, высказанные в совершенно разных по времени написания, форме и назначению работах, автор не стремится проследить филиацию их идей; более важным ему представляется установить общие предметы их рассуждений, чтобы затем уже понять, что их объединяет, а что отличает друг от друга. К числу таких общих предметов относятся их представления о роли Уложенной комиссии Екатерины II, образ Москвы (у Дидро – в сравнении с образом Петербурга), интерес обоих авторов к истории, тезис о «загнивающем» Западе и «здоровой» России, признание необходимости развития любого общества на своей собственной основе.

Начну с двух предварительных замечаний.¹ Во-первых, слово цивилизация употреблено мной сознательно в двух своих противоположных смыслах: оно здесь обозначает и процесс развития общества от низших ступеней к высшим (этот смысл был рожден именно в XVIII в., причем в попытках применить его к России Дидро принял самое непосредственное участие), и некую историко-культурную общность, замкнутый общественный организм, имеющий свою уникальную судьбу (Данилевский, Тойнби, Шпенглер), конфликтующий с другими аналогичными организмами (Хантингтон) или существующий параллельно с ними. Во-вторых, я должен сказать несколько слов о том значении, которое я придаю изучению русских контактов Дидро. До сих пор в научно-популярной, а иногда и в научной литературе, но прежде всего в сознании множества людей факт приезда Дидро в Россию и его контактов с русскими людьми

¹ При подготовке этого доклада использованы материалы исследований, проведенных автором в рамках проектов «Diderot, la Russie et l'émergence du concept de "civilisation"» (Programme international des études avancées de la Maison des sciences de l'Homme, Paris, et Columbia University, New York, 2005), «Россия и Западная Европа: взаимовлияние культур, контакты и посредники (с начала XVII века до конца 1920-х годов)» (РГНФ, № 07-01-94651а/Фр) и «Роль интеллигенции и общественных организаций в формировании образа России, XVIII-XX вв.» (РГНФ, № 090100 209 а/Р).

интерпретируется упрощенно и неадекватно: Дидро приехал в Россию, польстившись на приглашение Екатерины II (в расчете на ее щедрость), беседовал с ней и даже осмеливался давать ей советы по реформированию нашей страны, но сам при этом о России ничего не знал и уж конечно ее не понимал. Его круг общения был узок, сам он – далек от народа, общался только с императрицей и несколькими придворными. Стоит ли всерьез относиться к его легкомысленным рекомендациям? Примерно такой образ Дидро встает перед нами, например, при чтении «научно-популярной» статьи М.М. Сафонова или монографии Л. Вульфа о Восточной Европе на карте Просвещения (1994), несколько лет назад переведенной на русский язык². На самом деле Дидро обычно не ставил материальные расчеты выше своей человеческой и профессиональной репутации. При этом он отнюдь не был невеждой или глупцом, о России знал немало, много читал, а круг его русских контактов, как показали исследования Ж. Дюлака, насчитывал не менее 150 человек³. Одним из его знакомых и был Алексей Васильевич Нарышкин (1742-1800), о котором я собираюсь рассказать. Я попытался вписать Дидро в реальный контекст совершенно реальных обстоятельств жизни этого персонажа, а затем попытаться сопоставить их взгляды на цивилизацию России (в уже упоминавшихся смыслах этого слова).

<1>

Почему я выбрал А.В. Нарышкина? Хотя бы потому, что именно этот молодой человек привез Дидро в Петербург в своей карете во второй половине дня 27 сентября/8 октября 1773 г., потому что именно у него в доме поселился философ и именно в нем провел долгие 5 месяцев своего пребывания в столице Российской империи. Нельзя сказать, что А.В. Нарышкин был человеком неприметным или совершенно неизвестным. Его имя неоднократно упоминается в переписке Дидро и даже в тексте его знаменитых «Философских, исторических и пр. записок различного содержания» (*Mélanges philosophiques, historiques, etc.*), подготовленных им для императрицы. А.В. Нарышкину посвящены несколько полезных исследований, из которых особого упоминания заслуживают статьи Б.Г. Райского и В.П. Степанова⁴. Тем не менее, многие аспекты отношений Дидро и Нарышкина до сих пор остаются непроясненными, в том числе конкретные обстоятельства их контактов, их возможные идейные связи. Но начнем с самого начала (кстати, один из первых своих политических текстов, посвященных России, Дидро назвал именно так: *Qu'il faut commencer par le commencement, 1772*).

² Сафонов М.М. Глаз философа и глаз суверена // Родина. 2003. № 8. С. 37-38; Вульф Л. Изобретая восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

³ Dulac G. Les relations de Diderot avec la Russie: transcription et identification des noms de personnes // *Editer Diderot. / Etudes recueillies par G. Dulac. Oxford, 1988. P. 340-317.*

⁴ Райский Б.Г. Дидро и братья Нарышкины. Страница из истории французско-русских культурных связей // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. М., 1984. С. 240-251; Степанов В.П. Нарышкин Алексей Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2. С. 327-330.*

<2>

Семья Нарышкиных

Прочитав *Мемуары* госпожи де Вандёль, дочери Дидро, которая следующим образом описывает прибытие своего отца в Петербург: «Мой отец <...> хотел остановиться у Фальконе. Он приехал, маясь животом: причиной тому была вода и климат, к коим он еще не успел привыкнуть. Фальконе принял его довольно прохладно и сказал, что, к величайшему сожалению, не может поселить его у себя, так как к нему несколько дней назад приехал сын и занял ту постель, которая предназначалась моему отцу. Отец, не решаясь отправиться на поиски постоянного двора в стране, нравы и обычаи которой были ему незнакомы, попросил перо и чернила и написал записку князю Нарышкину, умоляя его дать ему пристанище, если это не слишком его затруднит. Князь послал за ним карету и оставил его жить у себя до самого его отъезда.»⁵

<3>

Госпожа де Вандёль не совсем точна: Нарышкины никогда не были князьями. Тем не менее, они состояли в родстве с императорской фамилией. Наталья Кирилловна Нарышкина была супругой царя Алексея Михайловича и матерью Петра Великого. Компаньон Дидро по путешествию, оказавший ему щедрое гостеприимство в Петербурге, был правнуком боярина Григория Филимоновича Нарышкина (умер в 1706 или 1708 г.), двоюродного дяди царицы Натальи. Брат Григория Филимоновича – Матвей Филимонович Нарышкин (умер в 1692 г.) был известным всешутейшим патриархом знаменитого «всешутейшего и всепьянейшего собора», учрежденного Петром I для глумления над православной церковью. Петр звал М.Ф. Нарышкина «патриархом Милакой» и в этом прозвище причудливо соединились казалось бы взаимоисключающие чувства – личная привязанность к своему двоюродному деду и презрительная насмешка над ним. Б.И. Куракин в своей *Гистории о Петре I* так охарактеризовал этого персонажа: «муж глупой, старой и пьяной»⁶. Не исключено, что некоторая неуравновешенность вообще была свойственна этой ветви семейства Нарышкиных; мы увидим, что основания для такого предположения имеются.

<4>

Но вернемся к Григорию Филимоновичу Нарышкину. Двое его сыновей – Семен Григорьевич и Василий Григорьевич – были комнатными стольниками и ближними людьми царевича Алексея, с которым, как известно, сторонники «Святой Руси» связывали свои надежды. Дело царевича навлекло на них опалу, оба брата были удалены от двора, причем Семен Григорьевич был даже отправлен в ссылку. Впрочем, опала оказалась кратковременной и не имела тяжких

⁵ Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des ouvrages de M. Diderot par Mme de Vandeuil, sa fille / Texte présenté, établi et commenté par A. M. Wilson et B. T. Hanna // D. Diderot. Œuvres complètes. Paris, (далее – DPV) 1975. Т. 1. Р. 30. Здесь и далее цитаты из французских текстов даются в переводе автора настоящей статьи.

⁶ Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682-1695 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. С. 254.

последствий для этих Нарышкиных и их потомков. Василий Васильевич Нарышкин (1712-1779), сын Василия Григорьевича и отец нашего героя, сумел подняться достаточно высоко – он сделался генерал-поручиком и Новгородским губернатором. Женат он был дважды, первый раз на княжне Прасковье Васильевне Сонцовой-Засекиной (р. 1704), второй – на Анне Ивановне Паниной (1723-1780), сестре Никиты Ивановича Панина, возглавившего при Екатерине II Коллегию иностранных дел, и Петра Ивановича Панина, генерала. Именно благодаря протекции Петра Панина, своего родного дяди по материнской линии, А.В. Нарышкин (воспитывавшийся дома Иннокентием Нечаевым, будущим архиепископом Псковским и Рижским) получил в 1765 г. свою первую придворную должность – был назначен камер-юнкером. К этому времени 23-летний Нарышкин уже снискал некоторую известность как поэт и переводчик. Его литературные увлечения помогли ему в его карьере. В качестве адъютанта Г. Орлова, Нарышкин был включен в свиту Екатерины II, отправившейся путешествовать по Волге в 1765 г. Во время этого путешествия, как известно, Екатерина организовала перевод *Велизария* Мармонтеля, А.В. Нарышкин принял в нем участие – перевел 7 и 8 главы. Вскоре он перевел на русский язык две статьи из *Энциклопедии* для сборника, опубликованного в 1767 г. М.М. Херасковым – «Экономия (моральная и политическая)» и «Право естественное» (автором первой был Руссо, а последней – Дидро). В том же 1767 г. он был избран депутатом Уложенной комиссии от дворянства Старицкого уезда и принял участие в работе этого известного учреждения. В конце 1768 г. он сложил с себя депутатские полномочия и вскоре отправился за границу «восстанавливать здоровье». Его вояж в Западную Европу начался весной 1770 г., по этому случаю на него была возложена деликатная дипломатическая миссия в Турине⁷. После завершения этой миссии Нарышкин путешествовал по югу Европы, побывал во Франции и германских землях. Именно в этот период он и познакомился с Дидро. Точной даты их первой встречи мы не знаем, можем лишь предположить, что она состоялась в 1771 или 1772 г. в Париже. В письме Фальконе и его ученице мадемуазель Колло от 30 мая 1773 г. (они в это время находились в Санкт-Петербурге, работая над знаменитой конной статуей Петра I) Дидро, собираясь в Россию, говорит о Нарышкине как об их общем старом знакомом и извещает своих друзей, что тот предоставил в его распоряжение свою карету и убедил его проделать все путешествие в компании с ним⁸.

<5>

Мы располагаем некоторыми сведениями об обстоятельствах этого путешествия. Так, 21 октября 1773 г. Карл Лессинг сообщил своему знаменитому брату – Готтхольду Эфраиму Лессингу – о пребывании Дидро и Нарышкина в Лейпциге 12-13 сентября: «Господин Дидро проехал через Лейпциг, направляясь в Санкт-Петербург, и задержался здесь на один день. Знаешь, чем он занимался? Он публично проповедовал атеизм множеству учителей и

⁷ Подробнее об этом см. Karp S. Un manuscrit de Diderot porté disparu: les «Observations sur le traité entre la Russie et le royaume de Sardaigne» // L'édition du dernier Diderot. / Textes réunis et publiés par G. Goggi et D. Kahn. Paris, 2007. P. 51-62.

⁸ Diderot D. Correspondance / Recueillie, établie et annotée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1965. T. XII. P. 230.

торговцев, собравшихся перед дверью дома [в котором он остановился]. Молодой россиянин, державшийся рядом с ним и с восторгом разделявший все его принципы, следовал его примеру, обращаясь к окружавшей его толпе студентов»⁹.

<6>

Любопытно, что за время путешествия Дидро имел возможность убедиться, что его компаньон слаб здоровьем. Они приехали в Петербург в самый разгар празднеств по случаю женитьбы наследника Павла Петровича на Гессен-Дармштадской принцессе. Рассказывая своей жене в письме от 9 октября об этих торжествах, Дидро отмечал: «<...> будучи камергером Ее Вел-ва, г-н Нарышкин должен был бы принимать в них участие. Однако он вынужден был оставаться дома из-за флюса, сопровождавшегося зубной болью, и необходимости постоянно носить большой согревающий компресс, которым он обматывает всю челюсть, а также по причине усталости – он чувствует себя совершенно разбитым. Чем объяснить, что человек, который вот уже четыре года разъезжает по миру, пересек Альпы, преодолел Апеннины и пр., расклеился до такой степени, что мне не раз казалось, что придется оставить его помирать под каким-нибудь забором или же возвращать его домой в состоянии умственного помешательства, тогда как я сам никогда лучше себя не чувствовал? К тому же он молод, ибо ему не более тридцати лет, а мне уже почти шестьдесят. Объясни это, если сможешь.»¹⁰

<7>

Физическая слабость не помешала карьере А.В. Нарышкина: в конце 1774 г. он был назначен губернатором Пскова, в 1777 г. – Полоцка, в 1784 г. – произведен в чин тайного советника и сделан сенатором. В 1785-1787 гг. вместе со своим коллегой по Сенату А.Р. Вронцовым он объехал с ревизией всю европейскую часть России, вплоть до Урала, проверяя состояние местной администрации. В 1787 г. он был избран членом Российской Академии, что свидетельствует о некоторой его литературной известности. В начале 90-х годов А.В. Нарышкин полностью отошел от дел, взял долгий отпуск и поселился в Германии. Именно тогда он написал и опубликовал две историко-философские брошюры, посвятив их идеям своего времени и судьбе своего отечества (к ним мы еще вернемся). Наконец, в середине 90-х годов он вернулся в Россию; последние годы его жизни протекли в усадьбе под Калугой. Скончался он в Москве 30 августа / 11 сентября 1800 г.

<8>

Предоставляя кров Дидро, Алексей Нарышкин действовал не в одиночку. Он делил эту честь со своим сводным братом Семеном Васильевичем Нарышкиным (1731- до 1800), прокурором (с 1775 г. – вице президентом) Берг-коллегии, обитавшим с ним под одной крышей. Двух братьев объединял также интерес к вопросам законодательства, любовь к поэзии, к литературе вообще и к творчеству Дидро в частности. С.В. Нарышкин перевел на русский язык *Слово о начале и*

⁹ Diderot D. Correspondance. Paris, 1966. Т. XIII. P. 54-55.

¹⁰ Ibid. P. 64.

переменах российских законов, произнесенное в Санкт-Петербургской Академии наук 6 сентября 1756 г. профессором права Фридрихом Штрубе де Пирмонтом. С.В. Нарышкин также был избран депутатом Уложенной комиссии 1767 г. от дворянства Михайловского уезда Московской губернии. Он также участвовал в переводах статей из *Энциклопедии*, изданных отдельным сборником М.М. Херасковым (1767). Ему принадлежала не дошедшая до нас комедия «Истинное дружба во вкусе Дидеротовом, которая много похваляется»¹¹. Дидро также упоминал о нем в своей переписке и «Философских, исторических и пр. заметках различного содержания» (*Mélanges philosophiques, historiques, etc.*) для Екатерины II. Философ принимал близко к сердцу личные проблемы С.В. Нарышкина, его материальные затруднения и просил императрицу дать ему место в Коммерц-коллегии. Он привез в Париж из Петербурга портрет его супруги Марии Ивановны, урожденной Салтыковой (1738-1807), работы Левицкого (хранящийся сегодня в Лувре). В августе 1776 г. он послал из Парижа дочери С.В. и М.И. Нарышкиных Прасковье некий «весьма эlegantный футляр, украшенный гильошированным золотым узором»¹². Дата смерти С.В. Нарышкина нам неизвестна: она давно стерлась с его надгробия, установленного на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Однако, судя по сохранившимся на нем строчкам, в течение последних девяти лет своей жизни он страдал от неназванной болезни, вызванной его чрезмерной чувствительностью: «От нежных чувствий он чувств здравия лишился, / И, девять лет страдав, в жизнь вечну переселился».

<9>

Дидро, в свою очередь, был чувствительно благодарен Нарышкиным за их гостеприимство. В своих «Философских, исторических и пр. заметках различного содержания» он замечает: «Эти добрые люди... приняли меня как брата»¹³. В письме супруге, отправленном из Гааги уже по возвращении из СПб, он вновь использует эту параллель, говоря о Нарышкиных: «они были так добры ко мне, обращались со мной как с собственным братом, поселили у себя, кормили, освободили от всех расходов...»¹⁴. Интересно, что В.И. Чучмарев в статье, посвященной интересу Дидро к русскому языку, пишет, что Дидро жил в Петербурге у трех братьев Нарышкиных, но не уточняет их имен¹⁵. Третий брат не без колебаний называется по имени Б.Г. Райским в его статье о Дидро и братьях Нарышкиных, в маленьком примечании¹⁶. Этим братом был Василий Васильевич Нарышкин (1738-1786)¹⁷. Несмотря на увлечение литературой и

¹¹ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 147.

¹² См. письмо Дидро Ф.М. Гримму, отправленное в конце августа 1776 г.: Diderot D. Correspondance. Paris, 1966. Т. XIV. Р. 215. В 1777 г. у С.В. и М.И. Нарышкиных родится еще одна дочь – Анастасия. Она выйдет замуж за Алексея Федоровича Грибоедова, которому суждено будет стать родным дядей А.С. Грибоедова – автора *Горя от ума*.

¹³ Diderot D. Œuvres. / Ed. L. Versini. Paris, 1995. Т. III. Р. 402.

¹⁴ Diderot D. Correspondance. Paris, 1966. Т. XIII. Р. 230.

¹⁵ Чучмарев В. И. «Об изучении Дидро русского языка» // Вопросы философии. 1953. № 4. С. 193. Прим. 3.

¹⁶ Райский Б.Г. Дидро и братья Нарышкины. С. 247. Прим. 62.

¹⁷ См. о нем подробный очерк Я. Кротова «Сто дней Нарышкина»

стихосложением, которое разделяли все братья Нарышкины, он, возможно, не имел отношений с Дидро; мы даже не знаем наверняка, встречались ли они. Между тем, Василий Васильевич был безусловно самым экстравагантным членом этого семейства, запечатленным М. Пыляевым в его *Замечательных чудаках и оригиналах*. Краткий очерк его биографии прекрасно показывает всю специфику цивилизации нашей страны, вне зависимости от того, понимаем ли мы под цивилизацией процесс, уникальную историко-культурную общность или состояние нравов. Василий Васильевич начал свою карьеру со службы в армии, после нескольких лет службы вышел в отставку в звании майора, некоторое время наслаждался свободой, а затем поступил на гражданскую службу, сделавшись в 1767 г. прокурором Архангельской губернии. Здесь ему была поручена важная задача: надзор за Арсением Мациевичем, единственным иерархом РПЦ, осмелившимся громко протестовать против конфискации монастырских земель, предпринятой Екатериной II в начале своего царствования. Возмутитель спокойствия, сам отличавшийся упорством и крутым нравом, был лишен своей кафедры митрополита Ростовского, арестован и заключен в тюрьму Николо-Карельского монастыря, основанного в начале XV в. на месте впадения Северной Двины в Белое море. Выполняя свои новые обязанности с особым рвением, Нарышкин старательно следовал всем инструкциям, поступавшим из Петербурга, и назначил по делу Мациевича новое следствие. По итогам этого следствия условия заключения бывшего архиепископа были ужесточены, сам он был переведен в казематы башни Толстая Маргарита в Ревеле (Таллине), где и умер 26 февраля / 8 марта 1772 г.

<10>

Мы почти ничего не знаем о двух последующих годах жизни и деятельности В.В. Нарышкина. Однако если в *Месяцослове с росписью чиновных особ в государстве на начало 1773 г.* он все еще числился прокурором Архангелогородской губернии, то в аналогичной росписи на начало 1774 г. он уже назван прокурором Коммерц-коллегии, а значит во время пребывания Дидро в России вполне мог находиться в Петербурге и даже жить с ним и своими братьями под одной крышей. Через год после отъезда Дидро, 21 марта / 1 апреля 1775 г. он был назначен начальником Нерчинских горных заводов (то есть казенных заводов и серебряных рудников в этом регионе Сибири). Прибыв в Нерчинск (его привез туда старший брат Семен Васильевич, только что назначенный вице-президентом Берг-коллегии, в ведении которой находились Нерчинские заводы), он поверг местных жителей в трепет: в течение многих недель сидел безвылазно в своей резиденции, глушил водку и раздавал ее простонародью, тратил казенные деньги на организацию игрищ и гуляний и бросал их пригоршнями в уличную толпу, смещал чиновников и назначал на их места освобожденных им каторжников, производя их в офицерский чин; он обложил окрестных купцов данью, заставляя их «одалживать» ему колоссальные суммы; он учредил новые «религиозные» праздники и молитвы; он подозревал всех в заговоре и приговаривал людей к наказанию батогами, даже не утруждая себя объявлением их вины. Наконец, он собрал целую армию с пушками и в мае 1776 г. двинулся на http://www.krotov.info/yakov/6_bios/54/naryshkin.htm.

Иркутск, объявив войну Ф.Г. Немцову, исполнявшему обязанности Иркутского губернатора. По пути он грабил купеческие караваны, а также крестил тунгусов и бурятов, заявляя, что делает это по приказу Ее Императорского Величества и по воле Всевышнего, явленной ему в сновидениях. Его имя (все-таки дальний родственник царствующей фамилии, а по сведениям Пыляева, даже крестник императрицы) и звание словно парализовали местные власти, которым понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Наконец, 18/29 июля 1776 г. Василий Васильевич был арестован в Верхнеудинске, доставлен в Иркутск, а оттуда – в Петербург, в Петропавловскую крепость. В октябре 1777 г. специальная комиссия Сената, созданная для расследования его деятельности, составила список из 37 преступлений, вменявшихся ему в вину; среди этих «вин» фигурировали и растрата казенных средств, и святотатство. Нарышкину грозила смертная казнь или как минимум каторга. Однако наказание было смягчено ввиду отсутствия «злого умысла». Было решено лишить сумасшедшего чинов и не определять впредь ни к каким делам. Именья его были конфискованы и проданы для уплаты казенных долгов. Именной указ предписывал освободить Нарышкина, но не сразу, а «удержав в крепости на пять лет». На самом деле, он пробыл в крепости до самой своей кончины в 1786 г.¹⁸

<11>

Уложенная комиссия

Франко Вентури первым из исследователей заинтересовался общественно-политическими взглядами А.В. Нарышкина, опубликовав два его письма к Беккария, сохранившиеся в фонде этого итальянского просветителя в Амброзиане в Милане. Вентури попытался вписать их в крупные общеевропейские течения просветительской мысли. Прежде всего, он отметил участие Алексея Васильевича в одном из первых русских журналов – *Полезное увеселение*, в котором тот вместе со своим братом Семеном Васильевичем опубликовал в 1760-1762 гг. несколько стихотворений. Вот что пишет по этому поводу Вентури: «Некоторые [из этих стихотворений] были анакреонтическими по духу, но хватало и других, имевших политическое значение. Само периодическое издание, на страницах которого они появились, может считаться органом дворянской фронды последних лет правления Елизаветы и краткого царствования Петра III. Удаление от столицы, любовь к сельской местности, независимой жизни – с помощью этих сентиментальных форм Алексей Нарышкин выражал свое стремление к свободе, которое вскоре, в 1762 г., побудит его написать стихи, призывающие к полному освобождению дворянства от воинской службы и упразднению Тайной канцелярии – на эти уступки в ту пору решился Петр III. После переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину, Нарышкин примкнул к группе аристократов во главе с Петром Паниным, которые надеялись, что с этим новым царствованием наступит, наконец, пора, когда сбудутся их надежды, которые мы можем определить как конституционные (мы используем здесь это слово в том смысле, которое придавалось ему в XVIII веке, в тесной связи с великим именем Монтескье). Так начиналась эта борьба, которая велась почти открыто, при свете дня, и которая продолжалась десяток лет,

¹⁸ См. следственное дело В.В. Нарышкина: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1583. Ч. 1-2.

вплоть до восстания Пугачева, между абсолютизмом, заявлявшем о своем намерении проводить реформы, и правящим классом, который рассчитывал на получение либеральных и конституционных привилегий, то есть борьба между «монархической» и «дворянской» интерпретацией идей Просвещения, шедших с Запада, сочинений Монтескье или физиократов Дидро и Беккария. <...>Нарышкин сыграл в ней свою роль. Мы знаем, что он участвовал в переводах французских текстов, в которых европейские философы готовы были видеть манифесты нового царствования, а люди, поддерживавшие Екатерину, – определенные обещания <...>»¹⁹.

<12>

В своих заключениях Вентури основывался главным образом на работе Г. Гуковского *Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов* (1936)²⁰, на сведениях об участии Нарышкина в переводах из *Энциклопедии и Веллария*, а также на двух его письмах к Беккария. Он знал также, что А.В. Нарышкин сопровождал Дидро в поездке из Гааги в Петербург. В.П. Степанов пользовался бóльшим количеством источников, в том числе литературными произведениями Алексея Васильевича, оставшимися вне поля зрения Вентури. Он показал, что Нарышкин, с одной стороны, весьма интересовался моральной философией, а с другой – оставался убежденным сторонником теории существования предустановленной гармонии. Не претендуя на исправление общества, А.В. Нарышкин, по мнению Степанова, полагал, что можно оставаться вне конфликтов интересов и даже нейтрализовывать пагубные последствия эгоизма и жадности при помощи скромности, сдержанности, умения довольствоваться малым. Немалую роль в общественной жизни он отводил и «добрым законам».

<13>

Участие А.В. Нарышкина в законодательной деятельности отражено в бумагах Большой уложенной комиссии 1767-1768 гг., опубликованных в 1882 г. в 36 томе *Сборника Русского Исторического Общества*. Эти документы, остававшиеся вне поля зрения Вентури и лишь бегло рассмотренные Степановым, дают нам некоторые дополнительные сведения о социально-политических взглядах Нарышкина. Он активно участвовал в обсуждении прав дворянства. В мае 1768 г. Комиссия о государственных родах подготовила Проект правам благородных. В бумагах Большой комиссии мы находим меморандум на эту тему, подготовленный А.В. Нарышкиным и произнесенный им 21 августа / 1 сентября 1768 г.²¹, а также его выступления в дискуссии на заседаниях Большой комиссии. Прежде всего, он настаивал на точном и подробном определении термина «права»²². Это определение, по его

¹⁹ Venturi F. *Europe des Lumières. Recherches sur le 18e siècle*. La Haye-Paris, 1971. P. 149-150.

²⁰ Гуковский Г.А. *Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов*. М.-Л., 1936.

²¹ *Сборник Русского Исторического Общества*. Т. 36. С. 339-343.

²² Там же. С. 5, 339.

мнению, должно было служить преамбулой проекта. Он предлагал различать общее право всех сословий общества и особенное право каждого из них. Особенное право каждого сословия включает в себя, по его мнению, право личности и право собственности. Так, все дворянство наделено одним и тем же правом собственности. Что же касается его особенного права, следует признать разницу между личным правом, которым пользуются все дворяне (например, правом свободно выбирать себе род деятельности²³) и личным правом каждого класса (ранга) дворянства. Согласно 4 главе проекта, в России существовало дворянство 4-х рангов: князя, графы, бароны и простые дворяне²⁴.

<14>

Нарышкин критиковал 1-ю главу проекта, касающуюся дворянских титулов и заслуг и предусматривавшую предоставление недворянам права ходатайствовать о присвоении дворянского звания. Нарышкин требовал, чтобы основания для такого производства были абсолютно точно зафиксированы и никогда не толковались расширительно, само аноблирование, по его мысли, должно было быть вещью исключительной²⁵.

<15>

Глава 2-я проекта касалась общего для всех дворян права собственности. Нарышкин предлагал толковать это право весьма широко. Так, если ст. 16 предполагала, что дворяне не могут дарить пожалованные им за службу деревни (имения), Нарышкин выступал против этого ограничения. Он поддерживал статью 20, запрещающую конфисковывать дворянские имения в качестве меры наказания дворянина, признанного виновным в преступлении²⁶. Кредиторы могли рассчитывать, по его мнению, только на часть имущества дворянина, оказавшегося не в состоянии расплатиться с ними по долгам²⁷. К статье 26-й он предлагал приписать, что дворяне являются собственниками не только своих имений, но и всех полезных ископаемых, находящихся под их землей²⁸. Он также требовал уточнить в статье 27, что если дворяне могут продавать продукты своих имений в своих собственных деревнях по своему усмотрению, то за пределами этих деревень – в городах и на ярмарках – они должны иметь право только на оптовую торговлю²⁹.

<16>

Другие соображения, содержащиеся в меморандуме Нарышкина, были развиты во время дебатов, развернувшихся вокруг Проекта правам благородных в Большом собрании. Во время

²³ Там же. С. 343.

²⁴ Там же. С. 9, 339.

²⁵ Там же. С. 340.

²⁶ Там же. С. 341.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 342.

обсуждения 2 главы, касающейся вольности дворянской, Нарышкин потребовал (16/27 сентября 1768 г.) в полном соответствии с официальным текстом проекта предоставить дворянам право самим решать, будут они служить или нет. Он был уверен, что дворянин может приносить пользу государству, даже если он не находится на военной, гражданской или придворной службе. Он признавал, что законодатель может в любой момент сделать службу дворян обязательной, но считал, что в обычное время дворяне должны быть совершенно свободны в выборе рода деятельности³⁰.

<17>

17/28 сентября 1768 г. Большая комиссия приступила к обсуждению 10-й главы проекта. В этот день Нарышкин вступил в спор с графом Григорием Орловым, депутатом от дворян Копорья, по поводу ношения шпаги. Орлов указывал, что шпага не является отличительным признаком дворян, поскольку ее разрешают носить и недворянам. Нарышкин настаивал, что ношение шпаги есть древний дворянский обычай и что его следует причислить к числу дворянских прав. Орлов возражал, что обычай не обязательно должен быть законом; Нарышкин отвечал, что не видит, почему подобный обычай не может обрести юридический статус³¹.

<18>

25 сентября / 6 октября 1768 г. Нарышкин участвовал в обсуждении 34-й главы проекта, предоставлявшей дворянское звание недворянкам, вышедшим замуж за дворян. Нарышкин поддерживал это положение, напоминая, что гражданские права мужа и жены отличны между собой; по этой причине супруге более приличествует разделять социальный статус мужа, а не наоборот. По этой же причине, продолжал он, дворянка, выходя замуж за недворянина, должна утрачивать все дворянские привилегии³². Ему возражал профессор Якоб Урсинус, депутат от города Дерпта, считавший, что брак должен способствовать только социальному возвышению женщины и никоим образом не должен понижать ее статус. Урсинус высказался в поддержку мезальянсов между дворянками и недворянками – многие дворяне гибли на поле брани, и многие женщины-дворянки вынуждены были пребывать в девичестве. С другой стороны, Урсинус считал, что брак между дворянином и недворянкой вреден для общества. Он ссылаясь при этом на пример некоей страны (не называя ее), где дочери богатых горожан повыходили замуж за дворян и где вследствие этого все капиталы вышли из сферы коммерции³³. Как бы то ни было, меморандум Алексея Нарышкина поддержали и подписали 37 других депутатов, в том числе его брат Семен.

<19>

В декабре 1768 г. Екатерина прервала работу Большой комиссии по случаю войны с Турцией:

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Там же. С. 23.

³² Там же. С.51, 57.

³³ Там же. С. 52.

многие депутаты должны были отправляться в армию. Но работа частных комиссий (комитетов) не прекращалась. Напротив, чтобы обеспечить их бесперебойную деятельность, императрица приказала избрать из числа депутатов дополнительных членов в каждую частную комиссию. Так, в 1769 г. Нарышкин стал дополнительным членом Дирекционной комиссии, управлявшей работой других комиссий (комитетов). К этому времени (с апреля 1768 г.) он состоял уже в комиссии «О порядке государственном в силе общего права», председателем которой был граф Андрей Шувалов³⁴. 32 года спустя Алексей Нарышкин будет с удовольствием вспоминать о своей работе в этой комиссии: «<...> будучи депутатом собрания сословий, я имел счастье быть избранным <...> в члены комитета, называвшегося «О порядке государственном», который работал под непосредственным руководством и наблюдением императрицы. Ее Императорское Величество приказала, чтобы все члены этого комитета имели право доступа во все суды и могли требовать у них любые надобные им бумаги. Она дала нам три инструкции, написанных ею лично своей августейшей рукой³⁵. В первой из них она сказала: *чтобы понять, что предстоит сделать, нужно вначале изучить то, что уже существует; итак, подготовьте описание страны и ее внутреннего управления, укажите на существующие злоупотребления и неустройства в нынешнем порядке вещей*, – и она указала нам по пунктам, о чем именно нам следовало размышлять.»³⁶

<20>

Известно, что Екатерина II написала три «урока» для Комиссии «О порядке государственном». Во введении к ним она изложила несколько идей, впервые сформулированных в ее недатированной записке на французском языке, которая была опубликована Чечулиным в приложении к академическому изданию *Наказа* 1907 г. В этой записке императрица следующим образом определяла задачи комиссии: «Созданной мной Комиссии следовало бы начать свои труды с составления общей картины нынешнего управления империей [по следующим вопросам]: 1) какова компетенция судов всех инстанций; 2) какова компетенция местных властей в провинциях; 3) что сказано на эту тему в депутатских наказах, наказах коллегий и др., а затем сделать заключение <...> о работе этой комиссии, о том, что она прочитала и изучила; таким образом, я полагаю, мы лучше сумеем узнать настоящее положение дел и понять, что нам предстоит делать, ибо мы собираемся менять его не ради самих перемен, а ради того, чтобы обратить зло в добро, а добро таковым и оставить.»³⁷

³⁴ См. Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. Вторая половина XVIII века. М., 1989. С. 70-73.

³⁵ Речь идет о трех «уроках» от 29 апреля, 20 и 26 мая 1768 г. (см. их официальные копии в РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 142. Ч. 3. Л. 284-289). См. Флоровский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II для Законодательной комиссии 1767–1774 гг. // Русский архив. 1917. Кн. 2-3. С. 32-44.

³⁶ [Narychkine A.V.] *Ressouvenir sur la Russie*. [Riga], 1792. P. 121-122. Курсив А.В. Нарышкина.

³⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Изд. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. LXXVII-LXXVIII (со ссылкой на Государственный архив, разряд X, дело 17, л. 14). Текст записки, опубликованный Чечулиным, отличается некоторыми второстепенными деталями от текста, опубликованного Флоровским (С. 34).

<21>

Итак, мы видим, что Нарышкин трудился под руководством Екатерины II, что он хорошо уловил суть ее указаний и был счастлив их получить. Признаем, что предписанный императрицей образ действий отличался осторожностью (*чтобы понять, что предстоит сделать, нужно вначале изучить то, что уже существует*). Все, что нам сегодня известно об участии Алексея Нарышкина в работе Уложенной комиссии, не позволяет нам пока согласиться с мнением Вентури, что Нарышкин вступил на путь борьбы с «монархической интерпретацией идей Просвещения». Мы можем лишь утверждать, что он хотел расширить и законодательно закрепить дворянские привилегии, систематизировав их в новом Уложении. Это в точности соответствовало намерениям правительства. *Философские, исторические и пр. заметки различного содержания*, написанные Дидро для Екатерины II в конце 1773 – нач. 1774 г., также содержат некоторые сведения об идеях Нарышкина, а главное позволяют их сопоставить со взглядами самого Дидро. Сам Дидро дает нам право на подобное сопоставление, ибо в *Dernier feuillet à Sa Majesté Impériale* говорит, что все изложенные им мысли «есть результат бесед двух искренних путешественников – Вашего камергера Нарышкина и меня»³⁸.

<22>

Рассмотрим вначале, насколько позиция, занятая Нарышкиным в ходе работы Уложенной комиссии 1767-1768 гг., соответствует взглядам Дидро на дворянство, изложенным в *Философских, исторических и пр. записках*. Это сравнение провести тем более просто, что французский коллега Бертран Бинош уже проанализировал взгляды Дидро на дворянство по этому тексту³⁹. Анализ Биноша вписывается в его размышления о роли посредствующих властей в развитии и нормальном функционировании общества по Дидро и Монтескье. Он точно заметил, что в отличие от Монтескье Дидро не возлагал особых надежд на дворянство как на сословие, которое может препятствовать тиранической власти монарха⁴⁰. Последуем за Биношем и проанализируем те пассажи *Mélanges*, в которых речь идет о дворянстве. Первый из них – *Essai historique sur la police de la France depuis son origine jusqu'à son extinction actuelle*. Именно об этой части Дидро говорит: «Что касается исторической части, я отвечаю за ее достоверность. Я сам делал все выписки из частных и секретных актов магистратуры. <...> И я написал ее по просьбе г-на Нарышкина. Он думал, что это описание, вызвавшее его интерес, не покажется лишним и его государыне, и что события, побудившие меня изложить взгляды самые обыкновенные, могут породить великие и глубокие мысли, попади они на глаза гениальной женщине.»⁴¹

³⁸ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 361.

³⁹ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires // Sens du devenir et pensée de l'histoire au temps des Lumières / Sous la dir. de B. Binoche et F. Tinland. Seyssel, 2000. P. 143-162.

⁴⁰ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 149.

⁴¹ Ibid. P. 226.

<23>

В том же листке Дидро утверждает: «Будь я государем той страны, где дворянство имеет привилегии, я бы постарался всячески ограничить число людей, имеющих дворянское звание. Я бы сохранил старую знать, я бы оказывал ей знаки уважения, я бы поддерживал ее; но новую знать я бы не стал создавать <...>»⁴².

<24>

Близость этого суждения мнению Нарышкина о том, что следует свести к минимуму случаи аноблирования, кажется тем более поразительной, что далее, в листке XXIII *Des révolutions* Дидро говорит о необходимости поддерживать аристократические семейства, чтобы не допустить революций: «Когда люди не могут ожидать милостей от действующего правителя, они стремятся заручиться поддержкой правителя будущего. Поэтому-то и важно не допустить разорения старых аристократических семейств. Их нищета чревата более опасными последствиями, чем их роскошество. Нищета возмущает. Роскошь усыпляет. Нищета подталкивает к дерзости, роскошь – к малодушию. <...> Как помешать разорению аристократических фамилий? Государь должен демонстрировать отвращение к роскоши; подавать пример экономии средств; возносить семейные ценности; высказывать расположение хорошим отцам, приближать их к себе, относиться к ним как к своей опоре; давать хорошее воспитание детям; презирать излишества, как национальные, так и чужеземные... Хороши все средства, при помощи которых государь может поддержать добродетель и ослабить порок, будь то чревоугодие, праздность, азартные игры, и т.д.... Но главное – не допускать обнищания аристократии.»⁴³

<25>

И тут мы вновь констатируем близость взглядов Дидро и Нарышкина. Но Бинош подчеркивает, что Дидро желает поддержать старую элиту лишь для того, чтобы законсервировать ее и не допустить её воспроизводства⁴⁴. На самом деле, Дидро высказывается в пользу смешанных браков в Российской империи: он считает, что браки между людьми, представляющими богатство, и людьми, представляющими знатность происхождения, полезны, поскольку они превращают наследственные привилегии в обычные материальные ценности, измеряемые деньгами⁴⁵. Мы уже видели, что Нарышкин отчасти разделял это мнение: осенью 1768 г. он настаивал, что дворянка, вышедшая за мещанина, должна стать мещанкой. Однако мы не можем утверждать, что подобное отношение к смешанным бракам могло стимулировать их – достаточно вспомнить критику Урсинуса. Другие идеи Дидро о дворянстве в целом, его предложение упразднить его налоговые и юридические привилегии («Заставьте знатного сеньора платить по долгам так же, как их должен платить последний из ваших подданных, без

⁴² Ibid. P. 206.

⁴³ Ibid. P. 273-274.

⁴⁴ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires. P. 150.

⁴⁵ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 309.

всяких поблажек», листок XI), и особенно его намерение «превратить дворян в обычных граждан»⁴⁶ не имели ничего общего с представлениями Нарышкина о дворянстве, ни с российской действительностью того времени. Бинош полагает, что сдержанное, неагрессивное отношение Дидро к старому дворянству могло объясняться также тактическими соображениями, желанием подсластить пилюлю⁴⁷. Однако оно могло и стать следствием его бесед с Нарышкиным.

<26>

Как бы то ни было, единственной посредствующей властью, в будущем способной, по мнению Дидро, служить ограничителем монаршей власти, была Уложенная комиссия. Известно, что он предлагал придать ее заседаниям постоянный характер и даже предложил целую конституционную реформу, целью которой должно было стать создание в России народного представительства. Ему могло казаться, что в 1773 г. обстановка благоприятствовала его замыслам. Старое Уложение царя Алексея Михайловича давно отстало от жизни, его корректировали новые законы, принимавшиеся с начала XVIII в. Множество Уложенных комиссий – 1714, 1718, 1720-1727, 1728, 1730, 1754 и 1761 гг. – пытались гармонизировать российское законодательство, но не слишком преуспели в этом деле. Созывом Уложенной комиссии 1767 г. Екатерина II продолжала эту традицию и вместе с тем порывала с ней: во-первых, большинство ее членов были избраны, а не назначены; во-вторых, объявленной целью работы комиссии было создание нового свода законов Российской империи, основанного на ее *Наказе*. Таким образом, реформаторский характер этой комиссии был заявлен с самого начала. Мы знаем, что Большая комиссия не осуществила этой реформы, не произвела на свет этот свод законов. Однако ее деятельность послужила отправной точкой целой серии реформ, проведенных Екатериной II в 70-х – 80-х годах. Подходы Дидро и Екатерины II к этой комиссии совпадали как минимум в одном пункте: хотя императрица и не собиралась превращать эту комиссию в парламент, как предлагал Дидро, в 1773 г. она размышляла над возможностью сделать ее работу постоянной. Несмотря на прекращение заседаний Большого собрания в конце 1768 г. и частных комиссий (комитетов) в 1771, в 1773 г. правительство провело на местах дополнительные выборы, которые должны были заменить скончавшихся депутатов либо пополнить существующие комиссии. В декабре 1774 г. был опубликован указ, прекращавший работу комиссий вплоть до особого распоряжения. В 1775 г., во время работы над *Учреждением для управления Губерний*, Екатерина размышляла над тем, не стоит ли превратить Уложенную комиссию в постоянную палату Сената, но затем отказалась от этой мысли⁴⁸. Тем не менее, канцелярия комиссии продолжала работать до конца екатерининского царствования; она изучила и описала массу существующих законов, составила заключение об их недостатках и противоречиях, помогла правительству лучше ориентироваться в них и таким

⁴⁶ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires. P. 150; Diderot D.. Œuvres. T. III. P. 298, 368.

⁴⁷ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires. P. 149.

⁴⁸ Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. Вторая половина XVIII века. С. 95.

образом внесла немалый вклад в систематизацию российского законодательства и его дальнейшее развитие в XIX в.⁴⁹ Вспомним указание Екатерины, цитировавшееся Нарышкиным: «чтобы понять, что предстоит сделать, нужно вначале изучить то, что уже существует». В достижении этой цели императрица вполне преуспела.

<27>

Хотя дальнейшее развитие российского законодательства не имело ничего общего с идеями Дидро, предлагавшего сделать Уложенную комиссию органом представительства суверенной нации, философ проявил определенный интерес к созданию юридической структуры внутри Комиссии. Он предложил Екатерине II учредить в ней особую судебную инстанцию (не уточняя ее компетенции по отношению к другим судам империи) и избрать для работы в ней нескольких членов Уложенной комиссии во главе с Алексеем Нарышкиным: «Создайте этот трибунал из различных членов вашей комиссии. Выберите из их числа наименее обеспеченных, поскольку они будут склонны скорее поддерживать себе подобных, чем людей могущественных. Во главе их поставьте человека безупречной честности, как, например, ваш камергер Нарышкин, которого я беру на себя смелость вам рекомендовать и которого я, смею сказать, узнал; по характеру своему он весьма походит на Катона Цензора.»⁵⁰

<28>

Мы не знаем, повлияла ли эта рекомендация на дальнейшую карьеру А.В. Нарышкина. Псковский, а затем Полоцкий губернатор, тайный советник, сенатор, он оставался на службе до 1789 г. Затем, по словам Г.Р. Державина, его беспристрастная позиция в деле Якоби⁵¹ пришлась не по нраву императрице. Нарышкин предпочел оставить службу и отправиться за границу. Он провел некоторое время в Германии, где был хорошо принят Иоганном Фридрихом Александром, принцем Вид-Нойвид. В Нойвиде (на территории нынешней земли Рейнланд-Пфальц, недалеко от Кобленца) Нарышкин написал небольшой памфлет на французском языке под названием *Quelques idées de passe-temps* («Некоторые мысли на досуге», первое издание – вероятно, 1791 г., второе – 1792 г., Рига, у Харткноха)⁵², посвященный преимущественно критике Французской революции (русское издание в переводе М.Н. Баккаревича с посвящением П.А. Зубову вышло в Петербурге в 1793 г. без указания имени автора под названием *Мысли*

⁴⁹ Тесля А.А. Источники гражданского права Российской империи XIX – нач. XX в. Хабаровск, 2005.

⁵⁰ Diderot D. Œuvres. Т. III. Р. 244.

⁵¹ Иван Варфоломеевич Якоби (1726-1803), Иркутский и Колыванский генерал-губернатор. Был арестован в 1789 г. по обвинению в стремлении спровоцировать войну с Китаем, дабы укрепить свое положение и извлечь из нее максимум материальных преимуществ. Екатерина II была убеждена в его виновности, но сенатское расследование сняло с него все обвинения (1793). См. Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. «Яблоновский-Фомин». С. 56; Степанов В.П. Нарышкин Алексей Васильевич. С. 329.

⁵² Сводный каталог русских книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. (Л., 1985. Т. 2. С. 249-250) не упоминает издания 1791 г., но подзаголовок рижского издания 1792 г. указывает на то, что оно было, как минимум, вторым: *Quelques idées de passe-temps, par I. 50, Nouvelle édition, augmentée de quelques pièces qui n'ont point été imprimées jusqu'ici, quoiqu'antérieures à celles qui ont déjà paru. [Riga], 1792. IV, 5-130 p., 8°.*

беспристрастного гражданина о буйных французских переменах)⁵³. Покинув Нойвид, Нарышкин отправился поправлять свое здоровье в хорошо ему знакомые Экс-Ля-Шапель (Ааахен) и Спа. Там он закончил работу над вторым своим памфлетом – *Ressouvenirs sur la Russie* («Воспоминания о России»), посвященным допетровской Руси (также на французском языке, первое анонимное издание вышло без указания места и издателя в 1792 г., второе – в Риге у Харткноха в 1792 г.)⁵⁴. В 1794 г. оба произведения были изданы тем же Харткнохом в Риге на немецком языке в переводе Ф.-И. Альбаума⁵⁵. Сокращенная русская версия *Ressouvenirs*, по-прежнему анонимная, вышла спустя почти 7 лет после смерти автора – в первых двух номерах *Вестника Европы* за 1807 г., издававшегося в ту пору М.Т. Каченовским⁵⁶.

<29>

Разумеется, оба этих сочинения были написаны спустя много лет после путешествия Дидро в Россию и даже после смерти философа, в совершенно других обстоятельствах, уже в эпоху Французской революции. К тому же их содержание позволяет нам увидеть в Нарышкине одного из идейных предшественников славянофильства – идейного течения, абсолютно чуждого политической философии Дидро. Тем не менее, Питер Кауфман, американский историк, которому первому, насколько мне известно, пришла в голову мысль сравнить взгляды Дидро и славянофилов⁵⁷, в начале 1990-х годов показал, что это сравнение, казалось бы совершенно неуместное и анахроничное, имеет некоторый смысл. Изучая взгляды Дидро на перспективы развития России, Кауфман понял, что философ был далек от простых рецептов модернизации по западному образцу. Сравнивая взгляды Дидро и Нарышкина, высказанные в совершенно разных по времени написания, форме и назначению работах, я не собираюсь проследить филиацию их идей; более важным мне представляется установить общие предметы их рассуждений, чтобы затем уже понять, что их объединяет, а что отличает друг от друга. Каковы же эти общие сюжеты? Перечислю лишь некоторые из них. Это тезис о «больном» Западе (Франции), переживающем закат, и «здоровом» русском народе, у которого все еще впереди; это признание необходимости развития России на своей собственной основе; это интерес к истории и, наконец, образ Москвы (у Дидро – в непосредственном сравнении с образом Петербурга).

⁵³ Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах / Перевел с французского М.Б. Во граде св. Петра, 1793. - [6], 98 с.; 8°. Об отдельных аспектах этой работы см.: Карп С.Я. «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка (русские отклики 90-х гг. XVIII в.) // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 79-95, об этом памфлете – С. 90-95.

⁵⁴ *Ressouvenirs sur la Russie, écrits entre Aix la Chapelle et Spa*. S. l., s. n., 1792, 66 p., 8°; *Ressouvenir sur la Russie* [Riga], 1792, 132 p., 8°.

⁵⁵ *Beschäftigungen meiner Musse und Rückerinnerungen an Russland: Nach dem Französischen des Russisch-Kaiserl. Herrn Geheimen Raths, Senateurs, wirklichen Kammerherrn und Ritters Alexei Wasiljewitsch Narischkin*. Riga, 1794. VI, 198, [4] p., 8°.

⁵⁶ Мысли о России, или некоторыя замечания о гражданском и нравственном состоянии Русских до царствования Петра Великаго // *Вестник Европы*. 1807. Ч. XXXI. Январь. № 1-2. С. 3-29, 107-120. См.: Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб, 1912. С. 69-72, 89-90. Шмурло не подозревал, что автором этого памфлета был А.В. Нарышкин и готов был приписать его авторство А.И. Мусину-Пушкину.

⁵⁷ Kaufman P. H. *The Solidarity of a Philosopher. Diderot, Russia and the Soviet Union*. New York, 1994. P. 25-59.

<30>

«Загнивающий» запад и «здоровая» Россия

В «Философских, исторических и пр. записках различного содержания» Дидро самым непосредственным образом вступает в полемику с предшественниками «западников» и «славянофилов» (листок XII): «Мне кажется, что Ваши подданные как правило склоняются к одной из двух крайностей – считают свою нацию либо чересчур передовой, либо чересчур отсталой. Те, кто считают ее чересчур передовой, всячески хулят остальную Европу; те, кто считают ее чересчур отсталой, являются ее фанатичными обожателями. Одни никогда не покидали своей страны, другие либо провели в ней мало времени, либо не дали себе труда изучить ее. И те, и другие видели лишь две стороны жизни, одни издалека, другие – вблизи, – парижскую и петербургскую. Я, наверное, удивлю их, если скажу, что разница между этими двумя нациями подобна разнице между человеком сильным и диким, который родился лишь недавно, и человеком, отличающимся тонким вкусом и изысканными манерами, но пораженным почти неизлечимой болезнью»⁵⁸.

<31>

Аналогичные рассуждения мы находим в его *Замечаниях на Наказ*: «Существует немалая разница между народом, приобщенным к цивилизации, и народом, которому это приобщение еще только предстоит. Состояние первого внушает мне больше опасений, чем состояние последнего: один здоров, другой – поражен старой болезнью, почти неизлечимой»⁵⁹.

<32>

Образ «здорового» народа, противопоставляемого народам «нездоровым», соответствует не только образу Третьего Рима, но и так называемому «русскому миру»⁶⁰. Дидро пользуется им, чтобы подчеркнуть имеющиеся у России преимущества: он противопоставляет Россию («нацию, проводящую необходимые реформы по определенному плану»), Франции – «нации, которой это никак не удастся, поскольку она на протяжении веков следует случайной игре обстоятельств, порождающих безумные, абсурдные и противоречивые институты...»⁶¹. При этом Дидро прекрасно понимает, что образ «здоровой» нации на самом деле не соответствует действительности: в том же самом тексте он довольно резко высказывается по поводу нравов русских людей, развращенных деспотизмом власти и недостатком свободы, что не мешает ему, в свою очередь, уповать на этот самый деспотизм, когда на страницах «Философских, исторических и пр. записок различного содержания» он уговаривает Екатерину II способствовать распространению духа свободы в России: «З^о. Мне кажется, обыкновенно я замечал у [русских], кроме Орловых, подозрительность и недоверие, которые представляются

⁵⁸ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 245.

⁵⁹ Ibid. P. 521.

⁶⁰ Le Mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney, 2001.

⁶¹ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 226.

мне качествами, противоположными той прекрасной и честной искренности, которая свойственна душам возвышенным, свободным и уверенным в себе, встречающимся и среди нас, французов, и среди англичан. У нас это свойство приправлено тонкостью, у англичан – некоторой простотой. Не знаю, какие чувства я внушаю русским, но я вижу, что со мной они держатся совсем не так, как между собой. Мне кажется, мой характер их успокаивает и располагает к общению. Мне бы хотелось, чтобы они оставались сами собой, когда я их покину, если только их видимая искренность не является напускной; так ли это, мне неизвестно.

<33>

4°. В их умах постоянно присутствует какая-то тень панического ужаса. Вероятно она является следствием длинной череды переворотов и долгого деспотизма. Они кажутся людьми, ждущими, что перед ними вот-вот разверзнется земля, или же только что пережившими землетрясение и постоянно пытающимися прощупать, насколько тверда почва у них под ногами. Их нравственная жизнь подобна жизни физической обитателей Лиссабона и Макао»⁶².

<34>

Образ «здорового» народа присутствует также в сочинениях А.В. Нарышкина. Он убежден, что русский народ ближе к природе, чем западные народы, и отнюдь не считает, что недостаток свободы вредит той простоте нравов, которую он охотно приписывает русскому народу: «Эта простота наших предков, умение краснеть от стыда, если данное обещание не выполнено, уже почти не встречаются в просвещенных странах в наш ученый век. Русские, будучи, по мнению иностранных авторов, народом наименее просвещенным, еще дорожат этой отеческой простотой, если только не отправляются черпать современную мудрость в чужие страны, где становятся равнодушными к добру и злу; но истинные русские, воспитанные внутри страны, еще краснеют от стыда, если не могут поступить как должно или расплатиться со своими долгами, независимо от их происхождения»⁶³.

<35>

Затем Нарышкин вспоминает о временах своего детства: «Золото было в то время редкостью, обычно пользовались серебром, а бумажные деньги еще не существовали, а поскольку нести с собой значительную сумму серебром было трудно, на ассамблеи приезжали без денег на игру; и наши домашние нравы отличались такой простотой и честностью (я сужу об этом по дому моего отца), что хозяин давал слуге кошель с тысячами рублей, которые раздавались тем, кто хотел играть. Гости приезжали, каждый требовал у слуги денег на игру, и весь вечер игра шла только на деньги хозяина, а на следующее утро каждый посылал этому слуге деньги, взятые у него в долг и проигранные. Никогда не случалось ни малейшего недоразумения или недостачи. <...> Но если человек из нынешних просвещенных стран откроет свой дом в Париже или Лондоне и предложит всем знакомым приходить туда играть на деньги хозяина, вы сразу

⁶² Ibid. P. 245.

⁶³ *Ressouvenir sur la Russie*. [Riga], 1792. P. 36-37.

почувствуете разницу между философическими нравами нашего просвещенного века и нравами этих русских, которых называли варварами»⁶⁴.

<36>

«Матери [тогда] сами кормили своих детей, у которых были учителя, соответствующие их возрасту, но никогда не было других гувернеров и гувернанток, кроме отца и матери. У нас не было принято из экономии или других меркантильных расчетов и частных интересов отсылать новорожденных в деревни, чтобы их там в течение нескольких лет кормили и воспитывали крестьяне, как это практикуется сейчас в просвещенных странах и особенно во Франции, где так поступают и самые знатные вельможи без всякого стыда. В России до последнего времени такое поведение считалось бы даже преступным, нам и в голову не приходит мысль, что возможен подобный паралич человеческих чувств»⁶⁵.

<37>

Итак, Нарышкин видит источник разложения нравов не в тирании правительства, но в пагубном влиянии «просвещенного века» и Запада в целом. Причина расхождения между ним и Дидро в этом пункте совершенно очевидна. Если для Дидро свобода превыше всего (см., например, его *Lettres d'un fermier de Pensylvanie* 1769 г., где он даже использует выражение «un amour violent de la liberté»), то Нарышкин считает, что именно эта любовь является одной из причин разрушения «социальной гармонии», являющейся для него высшей ценностью. Именно в ней он видит корень зла своей эпохи: «<...> слово “свобода” громом поразило даже самых невосприимчивых к шуму соседей Франции. Все журналисты, значительная часть профессоров, которые знают людей лишь по книгам и собираются управлять ими при помощи цифр и алгебраических формул, эти так называемые ученые мужи, которые никогда не имели авторитета даже в своих собственных семьях, а сами подчинялись своим любовницам или кухаркам, одним словом все те, кто называют себя третьим сословием, молятся на этого нового идола, стремятся к этой свободе, видя в ней залог их будущего блаженства, нещадно эксплуатируют печатные станки, без усталости сочиняя все новые и новые пышные фразы, да при этом еще и плетут козни, стремясь ввести эти разглагольствования в моду»⁶⁶.

<38>

Это различие в объяснении причин повреждения нравов легко обнаруживается при знакомстве с аргументацией Дидро и Нарышкина. Однако точка отсчета у них одна и та же: оба говорят о простоте нравов русского народа по сравнению с народами западными, оба убеждены в том, что эти простые нравы в настоящее время разлагаются. Какие же выводы делают они из этой посылки?

⁶⁴ Ibid. P. 38-40.

⁶⁵ Ibid. P. 61.

⁶⁶ Quelques idées du passe-tems. P. 18-19.

<39>

Это риторическое противопоставление помогает Дидро настаивать на необходимости выработки особого «плана цивилизации» для России – иными словами – рационального создания солидных институций, гарантирующих свободу как первое условие развития российского общества⁶⁷. Но он этим не ограничивается. Б. Бинош показал, что для Дидро искусство цивилизации есть «искусство приспособлять процесс цивилизации к специфическим чертам цивилизуемой нации». «Именно в этом, – пишет он, – была суть проблемы, обозначенной Руссо, который обвинил Петра I в том, что тот хотел «сделать из своих подданных немцев, англичан, тогда как следовало для начала сделать из них русских» (*Du Contrat social*, II, 8, in fine)⁶⁸. В этом отношении Дидро довольно близок Руссо, д'Аржансону, Фергюсону и Санчесу; он разделяет их мнение о колоссальных издержках чрезмерного волюнтаризма суверена и стремится развенчать миф о великом законодателе, способном, по мнению Вольтера, титаническим усилием своей воли цивилизовать общество и двинуть его по пути прогресса.

<40>

В России Екатерина II уже несколько дистанцировалась от Петра Великого: она постоянно рекомендует учиться у Монтескье, «следовать духу нации» и приспособлять свои действия к местным обстоятельствам⁶⁹. Нарышкин подхватывает ту же мысль:

«Российская нация имела свой собственный характер, возможно, слишком суровый для нынешнего века, но отмеченный справедливостью, которая знает себе цену и дает почувствовать ее остальным. Петр I, разбудив ее воображение, привил ей мнимые потребности и побудил подражать другим. Возможно именно по этой причине Ж.-Ж. Руссо сказал примерно следующее: “Из русских никогда ничего не выйдет, поскольку Петр I вместо того, чтобы сделать русских, попытался сделать из них голландцев, немцев и т.п.”. Ж.-Ж. вероятно был прав, предположив, что за Петром последует череда имитаторов, а мы так и останемся мартышками. мода была нашим главным идолом, хотя гений Петра и не был по сути чисто подражательным. <...> В любой сфере деятельности чувство меры всегда недоступно для неразвитых умов, а именно неразвитые умы составляют большинство в любом обществе. Однако Екатерина II, едва вступив на престол, повела себя не так, как предполагал Руссо. Она заявила о себе как о русской. Так попробуем узнать, каковы были эти русские и попробуем узнать, кем они могут стать, если будут следовать собственной природе. Движимая чувством, достойным ее великой души, она напомнила в своем Наказе представителям сословий, что “тот, кто не сдержит слова, будет обесчещен”. Эта государыня знала лучше, чем любой другой монарх, что всякое физическое и общественное бытие имеет смысл и шансы на долгое существование только в том случае, если соответствует собственной природе; что привнесение чуждых элементов иногда придает ему внешний вид, восхищающий толпу, но никогда не затрагивающий его сути; напротив эти элементы незаметно ослабляют его и в конце концов разрушают. Все существа растут и развиваются на своей собственной основе, исходя из своих собственных сил, и именно Екатерина II повернула нацию к собственному

⁶⁷ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires. P. 156.

⁶⁸ Ibid. P. 156-157.

⁶⁹ Spector C. Science des mœurs et théorie de la civilisation. De *L'Esprit des lois* de Montesquieu à l'école historique écossaise // Les Équivoques de la civilisation. / Sous la direction de B. Binoche. Seyssel, 2005. P. 152; см. также: Rasmussen K. Catherine II and the image of Peter I // *Slavic Review*. Vol. 37. 1978. P. 51-69.

корню, к собственным средствам, и, приняв необходимые меры во всем пространстве своей обширной империи, словно объявила своим подданным: «Старайтесь, смотрите, чем вы можете стать, и будьте таковыми, любите свою родину во всю силу собственных добродетелей»⁷⁰.

<41>

Итак, Нарышкин, как и Дидро, противопоставляет произволу просвещенного деспота «природу». Но тут мы можем констатировать своего рода «зеркальный» эффект: если для Дидро следовать «естественным путем развития» означает следовать «законам развития общества, основывающимся на последовательном разделении труда»⁷¹, Нарышкин видит в этом процессе причину разложения «естественного» состояния общества: «Третье сословие потому и называется третьим, что не играет в жизни нации ни первой, ни второй роли, что оно является не слугой государства, но последним и промежуточным звеном, обеспечивающим не самые насущные потребности людей. <...> По мере прогресса индустрии и роскоши, третье сословие процветало, росло, а по мере его роста и процветания города поднимались, украшались, нравы портились, нация ослабевала и в конце концов приходила в упадок. Таковы следствия прогресса третьего сословия, ибо такова его природа, которая благодаря меркантильному духу всегда стремится к обогащению за счет другого, и живет лишь материальными благами <...>»⁷². В данном случае Нарышкин показывает себя скорее руссоистом: для него возврат к «природе» означает возврат к «корням» как к мощному средству возрождения страны.

<42>

Интерес к истории

Противопоставление России Западу, которое мы обнаруживаем в различных контекстах у Дидро и Нарышкина, подпитывается и сопровождается живым интересом обоих авторов к истории. Хотя перечень вопросов о состоянии России, адресованных Дидро Екатерине II, порой поражает нас избытком сведений о прошлом и настоящем России⁷³, в *Философских, исторических и пр. записках различного содержания* он говорит больше об истории «французской конституции»: французские учреждения могут служить определенной точкой отсчета для императрицы, которой предстоит не столько воспроизвести их на своей почве, сколько изобрести заново⁷⁴. Дидро настаивает здесь на историческом характере этих учреждений, но предпочитает не упоминать вовсе об исторических корнях российских установлений, которые в любом случае представляются ему варварскими и лишены всякого духа свободы. Тем не менее, я уже цитировал фразу Дидро, в которой он признавал, что

⁷⁰ *Ressouvenir sur la Russie*. P. 11-14.

⁷¹ Dulac G. Diderot et la «civilisation» de la Russie. – Colloque international Diderot (1713-1784), Paris-Sèvres-Reims-Langres, 4-11 juillet 1984. / Actes réunis et préparés par A.-M. Chouillet. Paris, 1985. P. 163.

⁷² *Quelques idées de passe-temps*. P. 106-107.

⁷³ Karp S. Le questionnaire de Diderot adressé à Catherine II: quelques précisions. // *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 2002. № 33. P. 9-61.

⁷⁴ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoires. P. 156-157.

историческая часть *Записок* была им написана по настоянию А.В. Нарышкина. Разумеется, мы можем думать, что это упоминание было своего рода тактической уловкой, но не исключено, что в данном случае это совпадение имеет большее значение, чем кажется на первый взгляд. Следует признать, что интерес к истории безусловно является самой характерной чертой политических идей Нарышкина. Он интересуется особенно историей допетровской Руси, которая служит ему одновременно точкой отсчета и образцом. Он обращается к ней, чтобы показать, что реформы Петра I были подготовлены его предшественниками, чтобы подчеркнуть значение царствования Алексея Михайловича, образцового монарха, сумевшего, по мнению Нарышкина⁷⁵, добиться всеобщего согласия – социальной гармонии – и адаптировать свой свод законов – Уложение – к реальным потребностям страны; наконец, чтобы создать настоящий утопический образ Красной площади (поговорим о нем дальше). Как бы то ни было, сходство мнений Дидро и Нарышкина о необходимости учитывать «специфику нации» проявляется особенно ярко в их интерпретации роли Москвы в цивилизации России.

<43>

Образ Москвы

Уже Монтескье категорически не советует размещать столицы на периферии империй⁷⁶. Дидро говорит о том же в письме мадам Неккер от 6 сентября 1774 г., в *Собственноручных заметках некоего государя на полях Тацита, или Принципах политики государей* (140: «Чем обширнее империя, тем труднее ей управлять и тем важнее, чтобы столица находилась в центре её»), в *Замечаниях на Наказ*» (4: «Мне кажется весьма разумным прежде всего поместить столицу в центре страны; сердце не должно быть расположено на кончике пальца»)⁷⁷. В *Философских, исторических и пр. записках различного содержания* он заявляет, что автором последнего сравнения является А.В. Нарышкин: «Столица, находящаяся на краю империи, подобна животному, у которого сердце находится на кончике пальца руки или желудок на кончике большого пальца ноги. Это выражение г-на Нарышкина»⁷⁸. Это цитата из XXVIII главы *Записок*, озаглавленной «О столице и истинном сердце империи. Ее Императорскому Величеству от слепца, пытающегося различать цвета». Именно в этом разделе Дидро советует Екатерине II вернуть столицу России в Москву. Я не стану приводить все его аргументы, ограничусь лишь несколькими параллелями между его идеями и идеями Нарышкина: центральное местоположение Москвы и ее роль во внутреннем российском потреблении (рынке); значение Москвы для нравственности русского народа и для взаимоотношений российских монархов со своим народом. Итак, Дидро продолжает свои социально-антропологические аналогии:

⁷⁵ Он не жалеет слов, чтобы превознести добродетель царицы Натальи Кирилловны, а также верность престолу других Нарышкиных, ее ближайших родственников, погибших во время стрелецкого бунта (*Ressouvenir sur la Russie*. P. 86-87, 89, 91-92).

⁷⁶ *De l'esprit des lois*, IX, 6 ; XVII, 8.

⁷⁷ Diderot D. *Correspondance*. Paris, 1968. Т. XIV. P. 72; Diderot D. *Œuvres*. Т. III. P. 185, 511-512.

⁷⁸ Diderot D. *Œuvres*. Т. III. P. 314.

<44>

«Столица все притягивает к себе. Это кладовая нации. В ней ничего не производят. Ее функция подобно функции сердца у животного: сердце должно получать и пересылать кровь, столица – получать и передавать золото в обмен на все то, что все, что может способствовать удовлетворению ее ненасытного аппетита. Это пункт колоссального потребления.

<45>

Где должно находиться это место? Полагаю, что в центре, посреди тех частей [империи], которые трудятся на него, и посреди тех предметов, которые оно потребляет. <...>

<46>

Не знаю, до какой степени эти законы применимы к России. Это – дело не мое, а ее Императорского Величества. <...>

<47>

Ваше Императорское Величество сказали мне, что если Петр I предпочел Петербург Москве, то это произошло потому, что он не любил Москвы, ибо полагал, что в Москве его не любят. Этот довод не может иметь значения для Екатерины II: она любит всех своих детей, и все ее дети любят свою мать»⁷⁹.

<48>

Нарышкин, как и Дидро, утверждает: «Все существа растут из своей собственной сердцевины»⁸⁰. Далее он продолжает: «Москва во все времена была средоточием царства. Все дворяне, свободные от службы, приезжают туда на зиму со всеми своими людьми, число которых покажется иностранцу невероятным. Русские весьма гостеприимны. Всякий дворянин с удовольствием принимает гостей, сколько бы их ни было, которые могут приезжать без приглашения к обеду или к ужину, когда им заблагорассудится. Всякий дворянин может накормить гостей обедом или ужином, не высылая дворецкого из дому за покупками. Такое гостеприимство и образ жизни требуют, чтобы в доме было достаточно всяких запасов. <...> Все эти запасы для помещиков и привозятся в Москву по большей части зимою; с начала зимы до конца все большие и малые дороги покрыты бесчисленным множеством возов <...>; они день и ночь беспрестанно идут в Москву»⁸¹.

<49>

Дидро никогда не был в Москве, однако утверждал в *Записках*, что русское дворянство предпочло бы жить преимущественно в Москве, а не в Петербурге, причем это предпочтение он объяснял не столько его традиционным вкусами и привычками, сколько сугубо прагматическими соображениями:

⁷⁹ Ibid. P. 314-315.

⁸⁰ *Ressouvenir sur la Russie*. P. 13.

⁸¹ Ibid. P. 22-24.

<50>

«Мне кажется <...>, что пребывание в Петербурге должно быть слишком обременительным, а следовательно невыгодным для крупных землевладельцев, отдаляя их от их имений. Стоимость последних неизбежно падает из-за отсутствия хозяев в течение столь продолжительного времени. Не думаю, что переезд двора [в Москву] огорчил бы их»⁸².

<51>

Особого внимания заслуживает этическая интерпретация роли Москвы в российском обществе. Прежде всего, Дидро настаивает на несовместимости Санкт-Петербурга с теми «добрыми нравами», которые Екатерина II пытается привить своему народу: «Разве нравы, которые она рассчитывает привить своей нации, сумеют возникнуть и закрепиться в Петербурге, который всегда будет лишь Вавилоном – местом притяжения отбросов всех наций мира? Может ли средоточие пороков стать колыбелью добродетели? Разве тот, кто хочет сделать людей добродетельными и сохранить их всех таковыми, не должен прежде всего удалить их от злодеев? Разве в монастыре можно сохранить хотя бы тень монастырского устава, если в него допускать без разбора мужчин и женщин любого сорта? Разве Петербург по самому своему расположению и своей роли прибежища всех наций на обречен всегда иметь лишь нравы Арлекина?»⁸³

<52>

Итак, Санкт-Петербург представляется здесь Дидро городом «злодеев», средоточием пороков, ибо эта столица, по его мнению, беспорядочно аккумулирует слишком разнородные элементы со всех сторон света. Если мы допустим, что под «добрыми нравами» Дидро имеет в виду нравы «цивилизованные» (ведь речь идет о том, чтобы «привить» их народу), станет понятным, что именно эту эклектику обычаев и практик, зловерное влияние «всех наций мира» Дидро считает несовместимыми с прогрессом цивилизации. Как интерпретировать эту его позицию? Вряд ли мы можем считать его слова лишь тактическим приемом, рассчитанным на непосредственный результат. Ведь он прекрасно знал, что аргументами подобного рода (как, впрочем, и другими доводами) ему никогда не удастся убедить Екатерину II вернуть столицу в Москву. В VII главе *Записок* он походя говорит: «Поскольку Ваше Величество утверждает, что Москва может стать местом пребывания двора не раньше чем через сто лет, нельзя ли за это время побольше заселить Петербург...?»⁸⁴. Таким образом, это перемещение в любом случае рассматривается им в отдаленной перспективе.

⁸² Diderot D. Œuvres. T. III. P. 315.

⁸³ Ibid. P. 316.

⁸⁴ Ibid. P. 239. Екатерина II бесспорно предпочитала Санкт-Петербург и вряд ли готова была прислушаться к совету Дидро вернуть столицу в Москву. См. ее «Réflexions sur Pétersbourg et Moscou» // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. / С объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. XII. P. 641-643 (на франц. яз.).

<53>

Что же касается Нарышкина, то хотя он и не говорит о Петербурге, сравнение с этой столицей косвенно присутствует в его рассуждениях о Москве и ее Красной площади. Нарышкин утверждает, что эта площадь в допетровской России была не только торговой площадью, но и своего рода афинской Агóрой. Он описывает ее в совершенно утопическом духе, напоминающем скорее *Путешествие в землю Офирскую* М.М. Щербатова:

<54>

«Именно на этом месте люди особенно любили назначать друг другу встречи; сие чудесное зрелище всеобщего сближения давало им представление об общественных добродетелях; именно на этой *Красной площади* люди давали и получали спасительные советы; именно отсюда каждый возвращался домой безо всякого ущерба для себя, но обогащенный знаниями и добродетелями. Именно здесь старики наставляли юношей в их долге и обязанностях <...>

<55>

Именно там пылкая юность училась сдерживать себя, помалкивать и терпеливо слушать старших; именно там, в окружении толпы почтенных особ, под стенами царских чертогов, судилищ и возвышающихся над всем божьих храмов, всякий человек чувствовал себя подвластным суду всего народа и всевидящему оку всех земных и небесных сил. Там он учился почитать начальство, воздавать Богу богово, а Кесарю – кесарево. <...> Школа Платона, учрежденная в Академии, все еще внушает мне некоторое благоговение, но насколько же более сильные чувства наполняют мою душу при воспоминании об этой школе на прекрасной московской площади!»⁸⁵

<56>

Другое любопытное сближение между Дидро и Нарышкиным – их видение роли столицы во взаимоотношениях между российским монархом (источником света, тепла, истины) и его народом. Дидро объясняет: «Где должен находиться великий проповедник – в центре аудитории среди своей паствы или в углу пышной часовни – если он хочет быть услышанным? Разве не имеет значения то обстоятельство, что обращаясь к своим подданным и желая быть услышанной ими, Ваше Величество находится там, где их нет? В тех же местах, где эти подданные живут, они могут услышать Вас только при помощи рупора.

<57>

Домашний очаг не располагают в дальней части жилища. Если подобное расположение и не исключает все же распространения тепла и света, оно замедляет и затрудняет его.

<58>

Ваше Величество желает осветить обширную залу одним факелом? Куда поместит она этот факел, чтобы все пространство было наилучшим образом освещено? В угол, где он будет коптить, лишаясь тем самым части своего сияния, или же посреди находящихся в зале людей, где воздух чист, где свету факела ничто не мешает и откуда он может светить всем, кто видит

⁸⁵ *Ressouvenir sur la Russie*. P. 29-33.

его, в зависимости от расстояния, на котором люди от него находятся»⁸⁶.

<59>

Нарышкин, в свою очередь, настаивает на важности прямой связи между царем и народом на Красной площади: «Царь Алексей Михайлович прислушивался к собранию на Красной московской площади, поддерживал его, покровительствовал ему и направлял его лучше, чем все его предшественники. Часто появлялся он у окна; все знали, что царь был свидетелем всего, что происходило на площади; всякий день ему сообщали, что интересного говорилось на площади и что народ об этом думает. Сей добродетельный государь ободрял добрых и возвращал заблудших к тому общественному духу, цену которому он знал, как никто другой. <...

>

<60>

Сей же мудрый и добродетельный царь Алексей Михайлович, обдумывая свои узаконения, посылал на Красную московскую площадь своих доверенных людей, чтобы справиться о мнении народном. Если же случалось, что предрассудки или невежество мешали народу воспринять то или иное полезное узаконение, царь не спешил издавать его и поручал своим мудрым боярам разъяснить на Красной площади причины, суть и спасительные следствия предполагаемого указа. Он издавал его лишь тогда, когда все были готовы принять его по достоинству, и поэтому все его законоположения казались столь же соответствующими общественным чувствам, сколь и отвечающими общим чаяниям»⁸⁷.

<61>

Попробуем подвести некоторый итог. Как известно, Дидро был не просто западным путешественником, посетившим Россию в царствование Екатерины II: он был представителем передовой Европы, вождем энциклопедистов, философом-материалистом, атеистом и космополитом. А.В. Нарышкин же в своих политических сочинениях выступает как консерватор-утопист: один из первых русских славянофилов, он ностальгирует по безвозвратно ушедшему прошлому, крайне идеализируя Московское царство – допетровскую Русь. Тем не менее, в их отношении к Москве обнаруживается немало сходства. Совет Дидро перенести столицу России в Москву, как и романтические взгляды Нарышкина на историю, были основаны на осуждении чрезмерного волюнтаризма Петра, признании необходимости развития любого общества на своей собственной основе. Другое дело, что Дидро, как мы знаем из его политических сочинений, при этом исходил из необходимости раскрепощения русского народа, привития ему духа свободы. Нарышкину же эта мысль была в ту пору (эпоху Французской революции) уже достаточно чужда: для него едва ли не единственным критерием благотворности любых законодательных мер стало их соответствие традиции, местным условиям, готовности населения их воспринять. Однако осмысление этих расхождений выходит за рамки темы моего

⁸⁶ Diderot D. Œuvres. T. III. P. 316.

⁸⁷ Ressenvenir sur la Russie. P. 35-36, 38-41.

доклада.

Автор

Сергей Яковлевич Карп

доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН (Москва), президент Российского общества по изучению XVIII века

s.karp@mail.ru